

Совет Главных конструкторов: интеллектуальный и организационный центр космонавтики

© К.В. Федоров, Т.Р. Суздалева

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Исследованы этапы становления и деятельности уникального по составу и организации Совета Главных конструкторов, показана роль С.П. Королёва в нем. Сделан вывод о необходимости использования в современных условиях форм взаимодействия ведущих ученых и конструкторов, доказавших на практике свою эффективность.

Ключевые слова: Совет Главных конструкторов, ракетостроение, космос, институт «Рабе», институт «Нордхаузен», центр координации, научно-технический прогресс

Освоение околоземного космического пространства является одним из самых выдающихся достижений отечественной науки и техники. Создание первого искусственного спутника Земли, полет Ю.А. Гагарина стали возможными благодаря таланту и самоотверженности отечественных ученых и инженеров.

Следует подчеркнуть, что изучение истории создания ракетного щита СССР имеет не только научно-познавательную и воспитательную ценность, но и большое практическое значение. В условиях современной угрозы национальной безопасности России очень важно обратиться к опыту времен холодной войны, когда в обстановке практически полной изоляции советские ученые и инженеры смогли опередить США в космической гонке. Особое место в этой работе принадлежит Совету Главных конструкторов (СГК), возглавляемому С.П. Королёвым, который его дочь Н.С. Королёва очень точно назвала «интеллектуальным и организационным центром космонавтики» [1, с. 254].

Долгое время работа Сергея Павловича Королёва и его коллег — главных конструкторов ракетной техники — была окружена непроницаемой завесой строжайшей секретности. Даже Гагарин в первом издании книги «Дорога в космос» называет Королёва Главным конструктором [2]. Лишь после того, как 14 января 1966 г. сердце Королёва остановилось во время операции, советские люди узнали имя человека, благодаря которому был осуществлен прорыв человечества в космос. Были опубликованы многочисленные воспоминания и биографические книги, сняты художественные и документальные фильмы. И эта тема неисчерпаема. Со временем будут открываться

новые, неизвестные ранее детали о жизни и деятельности Королёва и его соратников, будет лучше понята и всесторонне оценена его роль в истории космонавтики.

Научная литература, посвященная истории советской космонавтики, обширна. До середины 1980-х годов ее целью было доказательство того, что все успехи советской науки и техники достигнуты исключительно благодаря преимуществам социалистического общественного строя и мудрому руководству КПСС. Личности конструкторов романтизировались и героизировались. Трудности, с которыми они сталкивались в работе, и вмешательство партийно-государственной номенклатуры в процесс принятия решений замалчивались.

После начала перестройки, напротив, возобладало критическое направление в оценке научно-технической политики СССР. Советский опыт недооценивался. Практически все авторы упоминают о выдающейся роли СГК, но специальным предметом изучения СГК не стал. В освещении деятельности СГК авторы акцентировали внимание на допущенных ошибках и на противоречиях между его членами. Характерен в этом смысле следующий пассаж из в целом очень серьезной и глубокой монографии А.Б. Безбородова: «Сложные маневры в аппаратной верхушке накладывали свой отпечаток на взаимоотношения между отдельными руководителями ВПК. По свидетельству С.Н. Хрущева, борьба между конструкторами военной техники развернулась не на жизнь, а на смерть». Длительное время особой неприязнью отличались отношения между Королёвым и В.П. Глушко. Как эстафету перенял у Королёва подобное отношение к выдающемуся конструктору двигателей его преемник В.П. Мишин. Напряженное производственное соревнование постоянно шло между коллективами главного конструктора ракетно-космических систем и руководителем ОКБ-586 М.К. Янгелем. Очень сложным характером отличался В.Н. Челомей, который часто конфликтовал с Янгелем [3, с. 73, 74]. У читателя может создаться впечатление, что члены СГК чуть ли не враждовали друг с другом.

Всю литературу по данной теме можно разделить на две группы. Во-первых, это монографии А.Б. Безбородова [3], Н.С. Симонова [4], Т.Р. Суздальной [5], посвященные научно-технической политике советского государства. В них содержится чрезвычайно важный материал о взаимоотношениях ученых и власти. Во-вторых, биографическая литература о Королёве и других выдающихся советских конструкторах ракетной техники, среди которой необходимо выделить книгу журналиста, выпускника ракетного факультета МВТУ Я.К. Голванова «Королёв: факты и мифы» [6].

Все члены СГК преподавали или консультировали в МВТУ. Большое внимание научной и педагогической деятельности членов СГК уделено в коллективной работе «Научные школы МГТУ

им. Н.Э. Баумана» [7, с. 397] и в труде «История науки и техники России» [8, с. 181–186], подготовленном кафедрой истории МГТУ.

Цель данной статьи — на основании опубликованных документов и воспоминаний проанализировать историю формирования, принципы организации и деятельности СГК, роль в нем Королёва.

В качестве основного источника информации авторы использовали двухтомник [9]. Поскольку деятельность СГК носила неформальный характер, его заседания не протоколировались и решения не оформлялись документально, поэтому в сборнике нет документов, прямо относящихся к СГК. Но в нем можно найти много косвенных подтверждений важности деятельности СГК. Уникальные факты содержатся в блестящих воспоминаниях «Ракеты и люди» Б.Е. Чертока — многолетнего соратника Королёва [10]. Книга дочери выдающегося конструктора Н.С. Королёвой о знаменитом отце основана не только на личных воспоминаниях, но и на свидетельствах его соратников и большом количестве документов [1]. Интерес представляют сборники воспоминаний соратников Королёва [11, 12].

Первым опытом совместной работы будущих главных конструкторов стала комиссия по реактивной (ракетной и авиационной) технике и вооружению в побежденной Германии, которая была создана в мае 1945 г. при советской военной администрации. Главными объектами, интересовавшими советских специалистов, были огромный завод по производству баллистических ракет Фау-2 в Нордхаузене и ракетный полигон в Пенемюнде. Поиск и изучением трофейной техники и документации занимались будущие главные конструкторы: В.П. Глушко, Н.А. Пилюгин, Н.Д. Кузнецов, В.П. Бармин, М.С. Рязанский и др. Они были командированы в Германию от разных ведомств, что не способствовало согласованным действиям. Кроме того, имела место межведомственная конкуренция. Но сама жизнь заставляла ученых и инженеров сотрудничать, обмениваться информацией и опытом. В целях координировать работу и придать ей более организованный характер в городке Бляйхероде, недалеко от Нордхаузена, был создан институт «Рабе» («Ворон»), который возглавил Черток [10, с. 266].

В конце сентября 1945 г. в Бляйхероде прибыл в звании подполковника С.П. Королёв. Ему было поручено создать самостоятельную группу «Выстрел» для освоения техники подготовки ракет к пуску и технике старта. Королева приводит в книге мнение А.И. Эдельмана: «В Германии ярко проявились организаторские способности подполковника С.П. Королёва. Он стал явным неформальным лидером среди множества наших специалистов, прибывших в поверженную Германию. Королёв брал на себя решение свойственных и несвойственных ему по чину вопросов как технического характера, так и административных» [1, с. 209].

В начале 1946 г. в Москве обсуждался вопрос о дальнейшем порядке работы с трофейной ракетной техникой. Было мнение даже о целесообразности их свертывания и отзыве советских специалистов. Из Германии в Москву были вызваны С.П. Королёв, В.П. Глушко, Ю.А. Победоносцев. Благодаря активной поддержке наркома вооружения Д.Ф. Устинова, маршала артиллерии Н.Д. Яковлева и члена военного совета Гвардейских минометных частей генерала Л.М. Гайдукова работы не только не были свернуты, но, наоборот, расширены.

13 мая 1946 г. было принято постановление Совета Министров СССР о создании Специального Комитета по реактивной технике во главе с Г.М. Маленковым. Его заместителем стал Устинов. На Специальный Комитет возлагались задачи:

1) наблюдение за развитием научно-исследовательских, конструкторских и практических работ по реактивному вооружению, рассмотрение и представление непосредственно на утверждение Председателя Совета Министров СССР планов и программ развития научно-исследовательских и практических работ в указанной области, а также определение и утверждение ежеквартальной потребности в денежных ассигнованиях и материально-технических ресурсах для работ по реактивному вооружению;

2) контроль выполнения министерствами и ведомствами заданий Совета Министров СССР о проведении научно-исследовательских, проектных, конструкторских и практических работ по реактивному вооружению;

3) принятие совместно с соответствующими министрами и руководителями ведомств оперативных мер по обеспечению своевременного выполнения указанных заданий.

Постановление завершалось указанием: «Считать работы по развитию реактивной техники важнейшей государственной задачей и обязать все министерства и организации выполнять задания по реактивной технике как первоочередные». Подписал постановление И.В. Сталин [9, с. 18–24].

Возник вопрос о том, какому ведомству передать руководство ракетостроением. Его решение осложнялось подготовкой преобразования наркоматов в министерства и реструктуризацией правительства в связи с переводом экономики на мирные рельсы. Наиболее близкой к ракетной технике была авиационная промышленность, но перед руководителем А.И. Шашуриным стояла очень трудная задача создания советской реактивной авиации, и он не стремился брать на себя дополнительную ответственность. Нарком боеприпасов Б.Л. Ванников уже был занят в атомном проекте. Зато большую активность в продвижении ракетной тематики проявил нарком вооружений Устинов. Будучи опытным руководителем, Устинов резонно рассудил,

что после окончания войны роль наркомата вооружений будет снижаться, а создание ракетной техники позволит ему не только сохранить, но и укрепить свои позиции в правительстве. В результате на долгое время ракетчики получили очень сильного руководителя [10, с. 294, 295].

Институт «Рабе» стал основой для формирования в феврале 1946 г. более мощной организации — института «Нордхаузен». Это был большой научно-технический комплекс, в который вошли предприятия и подразделения по различным направлениям: двигателям, общей схеме и конструкции ракеты, приборам и управлению, наземному оборудованию, испытаниям. «Нордхаузен» возглавил генерал Л.М. Гайдук, но основная заслуга в его создании и успешной работе принадлежала С.П. Королёву. Став главным инженером института «Нордхаузен», он мог уже не только неформально, но и по должности претендовать на лидерство [1, с. 210].

В Германии в необычных для советских людей условиях будущие ракетчики проходили школу переподготовки, переквалификации, «притирки» и совместимости друг с другом. В Тюрингии сформировалось ядро будущей команды Королёва. Мишин проявил склонность к комплексной проектно-теоретической деятельности, что позволило ему стать первым заместителем Королёва и его преемником. Л.А. Воскресенский, обладавший, по словам Чертока, удивительной способностью чувствовать и предвидеть поведение ракетной системы в самых различных нештатных и аварийных ситуациях, возглавил группу «Выстрел» и стал впоследствии заместителем Королёва по испытаниям. Сам Черток занимался электрооборудованием. Произошло разделение сфер влияния между будущими главными конструкторами. Н.А. Пилюгин в Нордхаузене изучал системы управления, В.П. Глушко и А.М. Исаев в Леестене занимались ракетными двигателями. Бармин возглавил институт «Берлин», аналогичный «Нордхаузену». Кузнецов отвечал за командные приборы и консультировал коллег по вопросам, связанным с гироскопами. Впоследствии С.П. Королёв вспоминал: «Самое ценное, чего мы там достигли, — создали основу сплоченного творческого коллектива единомышленников» [10, с. 332]. Таким образом, работа в Германии в 1945–1946 гг. сыграла роль подготовительного периода в создании СГК.

В августе 1946 г. в Бляйхероде прибыла высокая правительственная комиссия во главе с маршалом артиллерии Н.Д. Яковлевым, который поддерживал ракетчиков. Но все принципиальные решения уже принимал Устинов. Он поставил в известность советских специалистов, что возглавляемое им министерство вооружений является главным в области ракетостроения и проинформировал о решении свернуть работы в Германии и продолжить их в Советском Союзе.

Устинов представил генерал-майора Л.Р. Гонора в качестве директора НИИ-88. Победоносцев назначался на должность главного инженера. Приказом министра вооружения Устинова в составе НИИ-88 было организовано Специальное конструкторское бюро из нескольких отделов. Отделу № 3 была поручена разработка ракет дальнего действия, и первой из них стало изделие № 1 — точная копия немецкой ракеты Фау-2 полностью из отечественных материалов. Главным конструктором изделия № 1 и начальником отдела № 3 был назначен Королёв [13, с. 54]. Полный сил, энергичный, стремившийся вникнуть в детали нового для себя дела, Устинов произвел на ракетчиков благоприятное впечатление [10, с. 328].

С осени 1946 г. институт «Нордхаузен» приступил к свертыванию своей деятельности. 23 октября 1946 г. немецкие инженеры с семьями были вывезены в СССР. Комплектация документов, упаковка лабораторного оборудования и производственного имущества заняла еще несколько месяцев. Основная часть советских специалистов вернулась в Москву в январе 1947 г. В марте институт «Нордхаузен» прекратил работу. Многим его сотрудникам во главе с Победоносцевым и Королёвым предстояло работать в НИИ-88, который был создан Устиновым в качестве головного в области ракетостроения. Рязанский был назначен главным конструктором НИИ-885, относившегося к Министерству промышленности средств. Ему поручались работы по аппаратуре и радиосвязи для ракет. Министерство авиационной промышленности выделило для Глушко свою базу — НИИ-456 и опытный завод с ОКБ ракетных двигателей. Конструкторское бюро Бармина по разработке стартовых комплексов обосновалось на заводе «Компрессор», где строились первые реактивные установки. В рамках Министерства судостроительной промышленности создавался НИИ-10 — институт по гироскопам во главе с Кузнецовым [6, с. 363–364].

Возникла опасность организационного разобщения ракетчиков по разным ведомствам. В такой ситуации обеспечить системность работы было очень трудно. Королёв был встревожен опасностью разрыва творческих и деловых связей. Своим единомышленникам, назначенным на должности главных конструкторов в различных министерствах, он предложил создать SGK для согласования планов и совместного принятия принципиальных решений.

Довольно часто в литературе можно встретить мнение о том, что Королёв, обладавший выдающимися лидерскими качествами, изначально стремился возглавить всю работу по созданию советской ракетно-космической техники. Я.К. Голованов приводит спор Королёва с министром вооружений Устиновым. Схема будущей работы ракетчиков в представлении Устинова описывалась простой формулой:

каждый должен заниматься своим делом. Схема Королёва была иной: «Я должен заниматься всем!» Он сопротивлялся попыткам превратить его в конструктора одной ракеты. Королёв считал, что он должен стать Главным Конструктором системы [6, с. 375–376].

В действительности Королёвым двигало не честолюбие, а свойственный ему системный подход к решению любой проблемы. На это качество обратил внимание академик Б.А. Раушенбах уже во время первого знакомства с Королёвым [11, с. 3]. С.П. Королёв раньше многих понял, что при создании больших и сложных технических систем требовалось отработать новые «системные» взаимоотношения между людьми.

Опираясь на коллектив единомышленников, сложившийся еще в Германии, Королёв смог уже осенью 1947 г. приступить к испытаниям на построенном в соответствии с решением правительства полигоне Капустин Яр ракеты А4, собранной из немецких узлов и деталей [14, с. 13, 14]. Из 11 пусков удачными оказались только 5. Но главным результатом этих испытаний было объединение и налаживание взаимодействия между различными службами. Именно осенью 1947 г. родился и окреп уникальный, не имеющий аналогов в истории мировой науки и техники орган — СГК. Тогда же, по воспоминаниям Королевой, СГК в строжайшей секретности был заснят студией документальных фильмов [1, с. 264].

Первоначально в СГК вошли Королёв — главный конструктор ракетной системы в целом, Глушко — главный конструктор двигательных установок, Рязанский — главный конструктор радиотехнических систем и системы управления в целом, Пилюгин — главный конструктор автономных систем управления, Кузнецов — главный конструктор гироскопических командных приборов, Бармин — главный конструктор наземного стартового, заправочного и транспортного оборудования. Впоследствии первый состав СГК остроумно и точно называли великолепной шестеркой.

Никаких постановлений правительства об учреждении, составе, полномочиях и статусе СГК не принималось. Неофициальный характер СГК позволял избегать бюрократических проволочек и ускорять процесс принятия и реализации решений. Совет собирался по мере необходимости. Отсутствие на заседаниях партийных функционеров и чиновников делало обсуждение сложнейших проблем свободным, откровенным и, возможно, более острым. Авторитет СГК был очень высоким, и к нему прислушивались военные и руководители министерств и ведомств.

По свидетельству П.А. Агаджанова, работавшего над созданием наземного космодромного командно-измерительного комплекса, на заседаниях СГК систематически обсуждались проблемные задачи

и возможные пути их практического решения, этапность разработок, заслушивались итоги выполнения той или иной программы разработок, выявлялись характеристики смежных подсистем [11, с. 22]. Интересны наблюдения П.А. Агаджанова за тем, как С.П. Королёв вел дискуссию: «Сергей Павлович, не нарушая порядка обмена мнениями и очередности выступлений собеседников, с первых же минут как-то незаметно завладевал инициативой, направляя разговор в желаемом ему направлении. При этом он не выпячивал своего мнения, скорее, сначала стремился понять мнение своего собеседника. А затем тоже как-то незаметно, но с большим внутренним напором и убежденностью старался доказать собеседнику необходимость принятия того или иного мнения, которое он, С.П. Королёв, считал целесообразным» [11, с. 16].

Необходимо иметь в виду, что возглавлявший СГК Королёв вплоть до 1950 г. формально являлся всего лишь начальником одного из отделов в НИИ-88. Между тем его коллеги по Совету имели более высокий статус, возглавляя крупные научно-исследовательские и производственные структуры. По мнению Чертока, это не было случайностью. Первоначально Королёв не считался бесспорной кандидатурой на роль технического руководителя совершенно нового направления — создания баллистических ракет дальнего действия. Устинов выбрал Королёва, но для «страховки» в структуре НИИ-88 над ним стояли директор и главный инженер. Подобная ситуация не только морально угнетала, но и создавала трудности во взаимоотношениях со смежниками и производственниками [13, с. 55].

При этом на правительственном уровне прекрасно понимали, на ком лежит главная ответственность за реализацию ракетной программы. 13 февраля 1953 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О плане научно-исследовательских работ по ракетам дальнего действия на 1953–1955 гг.», в котором главным исполнителем назначался НИИ-88 в лице главного конструктора Королёва, заместителя главного конструктора Мишина, директора НИИ-88 Янгеля. Таким образом, фамилия Королёва стояла на первом месте, а директора института Янгеля — только на третьем [9, с. 28]. Лишь 13 августа 1953 г. решением Совета Министров СССР Особому конструкторскому бюро (ОКБ-1) вместе с опытным заводом был придан самостоятельный статус. Директором и главным конструктором ОКБ-1 был назначен Королёв [15, с. 68].

Авторитет Королёва держался не на высоких должностях и званиях, а на его выдающихся организаторских способностях. По словам Королевой, он «был Главным среди остальных главных» [1, с. 264]. По справедливому замечанию академика А.Ю. Ишлинского, если у соратников Королёва в определенной мере были и научно-исследо-

вательские кадры, и специализированные производства, то ему самому, принявшему на себя решение вопросов общей компоновки, увязки и отработки, конструирования и изготовления, вопросы сборки ракет, а в дальнейшем и космических кораблей, пришлось начинать практически с нуля. Предстояло также организовать испытательные команды на вновь создаваемых полигонах, строить там монтажные корпуса со стендами и лабораториями. В итоге родилась организация с новой структурой, предназначенная для выполнения сложной научно-технической программы. Конструкторское бюро, возглавляемое Сергеем Павловичем, стало головным и обеспечило практическую реализацию программы — от научно-технической идеи до производства ракет и космических кораблей. Такая форма организации оказалась весьма эффективной [12, с. 10].

Все это не означало, что между «главными» отсутствовали соперничество и конкуренция. В период создания первых советских ракет главным конструкторам легче удавалось найти общий язык. Но по мере усложнения задач и выделения новых направлений в ракетостроении они все больше отдалялись друг от друга.

Соратники Королёва признают, что он обладал вспыльчивым, жестким и даже авторитарным характером. Другие главные конструкторы также были яркими, сильными личностями со своими взглядами на развитие ракетной техники и амбициями. Поэтому разногласия, споры и даже конфликты между членами СГК были неизбежны. В мемуарной и публицистической литературе акцентируется внимание на сложных межличностных отношениях между Королёвым и Янгелем, Челомеем, Глушко. Однако гораздо большее значение имели разногласия в технических подходах. Янгель отстаивал свою точку зрения по поводу разработки ракет на высококипящих окислителях, а Королёв был сторонником окислителя топлива ракет на жидком кислороде. В итоге оказались правы оба конструктора, но это выяснилось только тогда, когда каждый из них возглавил собственное направление.

Еще одним соперником и оппонентом Королёва был Челомей, ставший ведущим конструктором в области создания противокорабельных крылатых ракет. Челомей, как и Янгель, считал, что будущее за ракетами на высококипящих компонентах, ибо это перспективно, удобно и экономически выгодно. Его ракета УР-100, обеспечившая стратегический паритет с США, и знаменитая УР-500, получившая впоследствии название «Протон», работали как раз на высококипящем топливе.

Первые серьезные разногласия у Королёва и Глушко возникли по вопросу о рулевых двигателях на ракете Р-7. Глушко считал, что решающее слово должно оставаться за ним. Тогда Королёв организовал

в своем КБ специальное подразделение, которое разработало прекрасно зарекомендовавшие себя рулевые движки. В дальнейшем отношения между двумя выдающимися конструкторами еще более осложнились.

По мнению Безбородова, соперничество между главными конструкторами за госзаказы и приоритетное финансирование было на руку партийно-государственной верхушке, поскольку позволяло их контролировать. Эти сильные личности оказывались в зависимости от патронажа высших партийных руководителей [3, с. 74]. Королёв пользовался покровительством Устинова. Янгеля поддерживал маршал А.А. Гречко, занимавший в 1967–1976 гг. пост министра обороны СССР. Однако когда речь шла о государственных интересах, личные амбиции отходили на второй план.

По мере расширения сферы деятельности СГК его состав обогащался новыми именами. По примеру королёвского СГК позднее создавались Советы во главе с М.К. Янгелем, В.Н. Челомеем, А.Д. Надирадзе, В.П. Макеевым, Д.И. Козловым, Г.Н. Бабакиным, М.Ф. Решетневым. Однако масштаб решаемых ими задач был другим. После смерти Королёва в 1966 г. деятельность СГК в том виде, в котором он создавался, практически сошла на нет.

Исторический опыт доказал актуальность использования при создании сложных технических систем апробированных форм координации работы ведущих конструкторов. В начале XXI в. предлагались проекты по воссозданию Совета генеральных конструкторов как совещательного органа при президенте РФ, определявшего инновационные векторы развития вооружений, военной и гражданской техники. Потенциал данной формы взаимодействия ученых и власти на главных направлениях научно-технического развития не исчерпал себя и в современных условиях перехода к цифровым технологиям.

Перед исследователями стоит благородная задача рассмотреть эту важную проблематику, вовлечь в научный оборот обширный массив документов, рассекреченный и требующий обобщения. Такой подход к изучению научно-технической политики позволит лучше понять не только прежние достижения, но и те ресурсы, которыми располагает современная Россия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Королёва Н.С. *С.П. Королёв. Отец. К 100-летию со дня рождения. В 3 кн. Кн. 2: 1938–1956 гг.* Москва, Наука, 2007, 314 с.
- [2] Гагарин Ю.А. *Дорога в космос. Записки летчика-космонавта СССР.* Москва, Воениздат, 1961, 350 с.
- [3] Безбородов А.Б. *Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х — середины 70-х годов.* Москва, Изд-во объединения «Мосгорархив», 1997, 215 с.

- [4] Симонов Н.С. *Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление*. Москва, РОСМЭН, 1996, 336 с.
- [5] Суздалева Т.Р. *Научно-техническая политика и социально-экономическая трансформация (Вторая половина XX в.)*. Москва, Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998, 161 с.
- [6] Голованов Я.К. *Королёв: факты и мифы*. Москва, Наука, 1994, 800 с.
- [7] *Научные школы Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана. История развития*. Москва, Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1995, 414 с.
- [8] Земцов Б.Н., ред. *История науки и техники России*. Москва, Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2021, 231 с.
- [9] *Первый пилотируемый полет. Российская космонавтика в архивных документах. В 2 кн. Кн. 1*. Москва, Родина Медиа, 2011, 560 с.
- [10] Черток Б.Е. *Ракеты и люди. В 4 т. Т. 1. От самолетов до ракет*. Москва, Изд-во РТСОфт, 2006, 364 с.
- [11] Раушенбах Б.В. *С.П. Королёв (К 70-летию со дня рождения)*. Москва, Знание, 1977, 64 с.
- [12] Ишлинский А.Ю., ред. *Академик С.П. Королёв. Ученый. Инженер. Человек. Творческий портрет по воспоминаниям современников*. Москва, Наука, 1986, 519 с.
- [13] Черток Б.Е. Главный конструктор. К 100-летию со дня рождения академика С.П. Королёва. *Вестник Российской академии наук*, 2007, т. 77, № 1, с. 50–67.
- [14] Суздалева Т.Р., ред. *Научно-техническая политика в условиях «холодной войны»*. Москва, Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1999, 72 с.
- [15] Федоров К.В., Суздалева Т.Р., Давлетшина Н.В. *Россия и мир во второй половине XX — начале XXI в.: поиск модели развития*. Москва, Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2013, 111 с.

Статья поступила в редакцию 04.04.2022

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Федоров К.В., Суздалева Т.Р. Совет Главных конструкторов: интеллектуальный и организационный центр космонавтики. *Гуманитарный вестник*, 2022, вып. 2. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2022-2-775>

Федоров Константин Викторович — канд. истор. наук, доцент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана. Специалист по истории России, автор более 60 научных статей, учебных и методических пособий. e-mail: fedorov@live.ru

Суздалева Татьяна Романовна — канд. истор. наук, доцент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана. Специализируется на проблемах истории России и современной научно-технической политики. Автор трех монографий и научных статей. e-mail: syzdalev@list.ru

Council of Chief Designers: the intellectual and organizational center of astronautics

© K.V. Fedorov, T.R. Suzdaleva

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The purpose of the research was to study the stages of formation and activity of the Council of Chief Designers, unique in composition and organization, and show the role of S.P. Korolev in it. The research findings show that in modern conditions it is necessary to use efficient and practically reliable forms of interaction between leading scientists and designers.

Keywords: Council of Chief Designers, rocket science, space, Rabe Institute, Nordhausen Institute, coordination center, scientific and technological progress

REFERENCES

- [1] Koroleva N.S. *S.P. Korolev. Otets. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya. V 3 kn. Kn. 2: 1938–1956 gg.* [S.P. Korolev. Father. To the 100th anniversary of his birth. In 3 books. Book 2: 1938–1956]. Moscow, Nauka Publ., 2007, 314 p.
- [2] Gagarin Yu.A. *Doroga v kosmos. Zapiski letchika-kosmonavta SSSR* [Road to space. Notes of a pilot-cosmonaut of the USSR]. Moscow, Voenizdat Publ., 1961, 350 p.
- [3] Bezborodov A.B. *Vlast i nauchno-tehnicheskaya politika v SSSR serediny 50-kh — serediny 70-kh godov* [Power and scientific and technical policy in the USSR in the mid-50s — mid-70s]. Moscow, Mosgorarkhiv Publ., 1997, 215 p.
- [4] Simonov N.S. *Voenno-promyshlenny kompleks SSSR v 1920–1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravlenie* [Military-industrial complex of the USSR in the 1920s–1950s: economic growth rates, structure, organization of production and management]. Moscow, ROSSMEN Publ., 1996, 336 p.
- [5] Suzdaleva T.R. *Nauchno-tehnicheskaya politika i sotsialno-ekonomicheskaya transformatsiya. (Vtoraya polovina XX v.)* [Scientific and technical policy and socio-economic transformation. (Second half of the 20th century)]. Moscow, BMSTU Publ., 1998, 161 p.
- [6] Golovanov Ya.K. *Korolev: fakty i mify* [Korolev: facts and myths]. Moscow, Nauka Publ., 1994, 800 p.
- [7] *Nauchnye shkoly Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta imeni N.E. Baumana. Istoriya razvitiya* [Scientific schools of Bauman Moscow State Technical University. History of development]. Moscow, BMSTU Publ., 1995, 414 p.
- [8] Zemtsov B.N., ed. *Istoriya nauki i tekhniki Rossii* [History of science and technology in Russia]. Moscow, BMSTU Publ., 2021, 231 p.
- [9] *Pervy pilotiruemy polet. Rossiyskaya kosmonavtika v arkhivnykh dokumentakh. V 2 kn. Kn. 1* [First manned flight. Russian cosmonautics in archival documents. In 2 books. Book 1]. Moscow, Rodina Media Publ., 2011, 560 p.
- [10] Chertok B.E. *Rakety i lyudi. V 4 t. T. 1. Ot samoletov do raket* [Rockets and people. In 4 vols., vol. 1. From airplanes to rockets]. Moscow, RTSoft Publ., 2006, 364 p.
- [11] Raushenbakh B.V. *S.P. Korolev (K 70-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Korolev (To the 70th anniversary of his birth)]. Moscow, Znanie Publ., 1977, 64 p.

- [12] Ishlinskiy A.Yu., ed. *Akademik S.P. Korolev. Ucheny. Inzhener. Chelovek. Tvorcheskiy portret po vospominaniyam sovremennikov* [Academician S.P. Korolev. Scientist. Engineer. Man. A creative portrait based on the memoirs of contemporaries]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 519 p.
- [13] Chertok B.E. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk — Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2007, vol. 77, no. 1, pp. 50–67.
- [14] Suzdaleva T.R., ed. *Nauchno-tekhnicheskaya politika v usloviakh «kholodnoy voyny»* [Scientific and technical policy in the conditions of the “cold war”]. Moscow, BMSTU Publ., 1999, 72 p.
- [15] Fedorov K.V., Suzdaleva T.R., Davletshina N.V. *Rossiya i mir vo vtoroy polovine XX — nachale XXI v.: poisk modeli razvitiya* [Russia and the world in the second half of the 20th — early 21st centuries: search for a development model]. Moscow, BMSTU Publ., 2013, 111 p.

Fedorov K.V., Cand. Sc. (Hist.), Assoc. Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University. Research interests: national history. Author of more than 60 research papers and teaching aids. e-mail: fedorov@live.ru

Suzdaleva T.R., Cand. Sc. (Hist.), Assoc. Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University. Research interests: problems of national history and modern scientific and technical policy. Author of 3 monographs and research papers. e-mail: syzdalev@list.ru